

А.П.Корелин,
доктор исторических наук.
Институт российской истории РАН

П.А.Столыпин и российское общество: политическая программа правительства и попытки ее реализации

С именем П.А.Столыпина связана последняя попытка российских правящих кругов вывести страну на путь эволюционного развития, избежать нового революционного взрыва. Проблеме внутренней политики правительства во время столыпинского премьерства (8 июля 1906 г. — 1 сентября 1911 г.) исследователи уделяли немало внимания. Имеется достаточно обширная литература, так или иначе затрагивающая эти вопросы. Однако большая ее часть посвящена изучению столыпинской аграрной реформы, проблемам расстановки и противоборства политических сил в рамках так называемого третьеиюньского режима. Значительно меньше внимания уделяется анализу общей политической программы столыпинского кабинета, рассчитанной на модернизацию государственного строя России, вывод его из глубокого политического кризиса¹.

Впервые — в самом сжатом виде — программа деятельности столыпинского кабинета была намечена его главой в правительственной декларации от 24 августа 1906 г., опубликованной в "Правительственном вестнике". Заявление это само по себе весьма примечательно. Открывалась декларация угрозами в адрес революции и, казалось бы, являлась продолжением первоначальной столыпинской установки: сперва успокоение — потом реформы. Но в действительности в эту установку вносилась весьма существенная корректировка. "Путь правительства — успокоение, порядок и реформы, — возвещал премьер. —

¹ В какой-то мере эта тема нашла отражение в монографиях: *Аврех А.Л.* П.А.Столыпин и судьба реформ в России. М., 1991; *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. Л., 1988; *Ом же.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978; *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1907-1914 гг. Л., 1990; и др.

Правительство не может, как того требуют некоторые общественные группы, приостановить все преобразования, приостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу с крамолою, сосредоточившись на проявлениях зла и не углубляясь в его существо". Таким образом, теперь предполагалось решать эти две задачи (успокоение и реформы) одновременно—и даже с некоторым смещением центра тяжести на преобразования. Несколько позднее эта установка получила и нечто вроде теоретического обоснования. В одной из заметок П.А.Столыпина, обнаруженных В.С.Дякиным и относящихся к началу 1907 г., есть такой пассаж: "Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину. К тому же этот путь торжественно возвешен, создана Государственная Дума и идти назад нельзя Это было бы роковой ошибкой — там, где правительства победили революцию (Пруссия, Австрия), они успевали не исключительно физической силою, а тем, что, опираясь на силу, сами становились во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия — признак бессилия правящей власти"¹.

В самом же полном и развернутом виде правительственная программа была изложена премьером в его первом выступлении перед II Думой 6 марта 1907 г.² Главной задачей провозглашалось построение правового государства. "Преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое", — так определил конечную цель преобразований глава правительства. Правда, толкование им этого понятия (к чему мы вернемся несколько ниже) было довольно своеобразным. Но важно, что П.А.Столыпин безоговорочно признал важнейшие государственно-политические реалии, связанные с принятием новой редакции Основных законов, с учреждением Государственной Думы и реорганизованного Государственного Совета, на усмотрение и одобрение которых и предлагалась правительственная программа. Первоочередной задачей была признана разработка правовых норм для реализации гражданских и политических свобод, провозглашенных в Манифесте 17 октября 1905 г., — свобода слова, собраний, печати, союзов, вероисповеданий, неприкосновенность личности и жилища, тайна корреспонденции и т.п. Этот комплекс законов, определявших права и обязанности граждан, должен был составить правовую базу общества.

Другой комплекс должны были составить законопроекты по реорганизации и усовершенствованию системы органов местного управления, суда и самоуправления. В сфере местного управления предполагалось прежде всего укрепить губернское и уездное ад-

¹ Дякин В.С. Столыпин и дворянство // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 233-234.

² Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906-1911. М., 1990. С. 50-64.

министративное звено — расширить полномочия губернаторов, заменить уездных предводителей дворянства, фактически возглавлявших уездную администрацию, коронными начальниками уездов, ликвидировать окончательно скомпрометировавший себя институт земских начальников и заменить их участковыми комиссарами. Последние меры были рассчитаны не только на усиление государственных структур, но и на полное упразднение остатков сословности в местном управлении и восстановление разделения административной и судебной властей на местах. Наконец, новый полицейский устав должен был ограничить деятельность охранного ведомства законными рамками. Реформы местной судебной системы предполагали восстановление института мировых судей, реорганизацию сословно-крестьянских волостных судов, введение в судебные уставы ряда новых статей, заимствованных из практики западноевропейских стран (допущение защиты на стадии предварительного следствия, введение института условного осуждения и досрочного освобождения из мест заключения и т.п.), а также введение в полном объеме нового Уложения о наказаниях и ряда законов из области гражданского права, особенно касавшихся сферы земельной собственности.

В области местного самоуправления намечалось введение земств в Прибалтике, Западном крае, Польше, Сибири, некоторое расширение компетенции земских управ, создание в качестве низшего административно-общественного звена всесословной волости, поселковых управлений и т.п. Замыслы П.А.Столыпина в этом плане были значительно обширнее — вплоть до введения в местное управление и самоуправление принципов федерализма.

Особый комплекс составляли законопроекты социального характера, носившие вместе с тем отчетливо выраженную политическую направленность. Здесь на первом месте, несомненно, были указы от 5 октября и 9 ноября 1906 г., сближавшие в правовом отношении крестьян с остальным населением империи, предоставлявшие им свободный выход из общины и закрепление за ними наделных земель в личную собственность. Новый курс аграрной политики должен был подвести экономическую базу под процесс обретения крестьянством гражданских и политических прав. "Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, — убеждал депутатов Столыпин, — он остается рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы"¹. Вместе с тем насаждение мелких зажиточных крестьян-собственников должно было привести к созданию консервативного "среднего класса", новой социальной опоры власти, укрепить на несколько подновленной основе политический режим, снять социальную напряженность в деревне, отвлечь крестьян от помещичьих земель. Представляя указ 9 ноября 1906 г. на утверждение Думы, а затем

¹ Столыпин П.А. Указ. соч. С. 105.

и Государственного Совета, П.А.Столыпин вновь и вновь подчеркивал, что насаждение "крепкого личного собственника" в деревне необходимо "для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях", для создания преграды развитию революционного движения¹.

Несомненную политическую направленность имели и разрабатывавшиеся правительством законопроекты по рабочему вопросу, предполагавшие введение новых принципов взаимоотношений труда и капитала, отношения власти к рабочему движению (свобода экономических стачек, примирительные камеры, профсоюзы, страховые законы и т.п.).

Такова была в общих чертах политическая программа П.А.Столыпина — достаточно обширная, с претензией на весьма крупные структурные преобразования и в целом, несомненно, прогрессивная, несмотря на некоторую ограниченность и противоречивость. Ее характер отразил то соотношение сил, которое сложилось в тот момент между властью и обществом. В ней нашли отражение прежде всего умеренные пожелания и требования либеральной оппозиции, уже давно выдвигавшиеся ею перед властью. Большая часть мер давно, порой десятилетиями, разрабатывалась ведомствами, и лишь революция заставила власть активизироваться. Если быть справедливыми, то и сама эта программа лишь условно может называться столыпинской: все основные законодательные пакеты готовились правительством Витте к открытию Государственной Думы. Но П.А.Столыпин действительно впервые представил правительственную программу в обобщенном виде и предложил ее законодательным палатам, при участии которых и предполагалось ее реализовать.

Как известно, едва ли не главным условием осуществления любой реформаторской программы, особенно комплексной и достаточно радикальной, является сильная власть и наличие у правящих верхов политической воли. Эту установку вполне разделял и Столыпин. И первоначально ему удалось, подавив революцию, навести необходимый порядок в стране и даже поднять авторитет власти. Леворадикальные и открыто оппозиционные партии оказались в кризисе, политическая жизнь в провинции фактически заглохла, оживляясь ненадолго лишь в периоды думских выборов. Фактически центром политической жизни страны оставались Дума и Государственный Совет.

Столыпин приложил немало усилий, чтобы сохранить народное представительство. Но позиция его в этих вопросах была весьма противоречива. С одной стороны, целью правительства провозглашалось "сохранить те заветы, те устои, те начала, которые были положены в основу реформ Императора Николая II" и создать "правовое государство"². В связи с этим признавалось целесообраз-

¹ Столыпин П.А. Указ. соч. С. 179.

² Там же. С. 63-64.

ным и даже неизбежным существование высших представительных учреждений — Государственной Думы и реформированного, также частично избиравшегося Государственного Совета, формально наделенных верховной властью законодательными функциями. Но, с другой стороны, он настойчиво подчеркивал фактически неограниченную полноту власти российского монарха, волею которого и было создано народное представительство. Последнее, по его твердому убеждению, должно было быть лишь помощником царя в управлении страной. Только самодержавная власть является хранительницей идеи русского государства, она олицетворяет собой силу и цельность России, оберегая ее от распада. По его мнению, "нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок"¹. При этом явно имелся в виду западноевропейский парламентаризм. И когда В.Н.Коковцев, министр финансов столыпинского кабинета, прямо заявил в одном из своих выступлений перед Думой, что "у нас, слава Богу, парламента нет", что вызвало бурные протесты депутатов, премьер запретил министру делать какие-либо разъяснения по этому вопросу. Столыпин и на деле показал, каково место народного представительства в системе власти. Он дважды пошел на роспуск Думы и даже изменил избирательный закон, пойдя фактически на нарушение основных законов империи.

Но и получив в Думе необходимое, как ему казалось, для проведения реформ соотношение сил, Столыпин весьма настороженно относился к законодательным палатам. Во-первых, стремясь перехватить инициативу, он важнейшие законопроекты проводил в чрезвычайном указном порядке по ст. 87, ставя Думу и Государственный Совет перед свершившимся фактом и ссылаясь при этом на высочайшую волю. Во-вторых, под предлогом необходимости накопления молодым народным представительством опыта законодательной работы он вносил на его рассмотрение массу третьестепенных дел, так называемой "думской вермишели" или "законодательной жвачки", призванной занять умы и языки политиков. Такая политика вполне отвечала настроениям Николая II, который никак не мог примириться с дарованной им же самим Думой, и мысль о ее роспуске или преобразовании в законосовещательный орган при монархе не покидала его. И Столыпин, сам будучи воспитанным в духе самодержавного культа, выступал в роли то буфера между верховной властью и народным представительством, то орудия самодержавия. При этом он опирался на противоречивость положений Основных законов, дававших возможность трактовать их в зависимости от того или иного понимания характера установившегося государственного строя и в зависимости от складывавшейся конкретной ситуации.

¹ Столыпин П.А. Указ. соч. С. 106-107.

Эти действия премьера, а также его высокомерие, показное барство, надменность, бросавшиеся в глаза даже его сотрудникам¹ и зачастую расценивавшиеся как твердость, вызвали нарастающее недовольство со стороны все большей части депутатов и даже членов Государственного Совета. Не только либералы и левые радикалы, но и правые все чаще обвиняли власть в установлении режима восточной деспотии, в государственном перевороте, в усилении полицейского произвола. Дело в том, что со временем в существовании представительства оказались заинтересованными почти все политически активные силы, так или иначе пытавшиеся использовать его в своих интересах. Сама же политическая программа столыпинского кабинета в скором времени привела к обострению противоречий не только между правительством и обществом, но и в самих правящих верхах. Реализация столыпинского курса не могла удовлетворить политические силы, стоявшие на диаметрально противоположных позициях. Он не устраивал правоконсервативные круги, поскольку реформы непосредственно затрагивали их интересы и либо ущемляли их, либо грозили непредсказуемыми последствиями. Леворадикальные силы видели в них опасность для своих целей, ибо успешные реформы суживали возможности для революционного выбора. Не удовлетворяла политика Столыпина и либералов, а со временем даже и проправительственный октябристский центр, так как премьер по мере нарастания сопротивления реформам стал все чаще "оглядываться назад". Либералы видели ущербность столыпинского курса прежде всего в попытках совместить самодержавие с представительным строем, что неизбежно вело к нарушению законности, пренебрежению к завоеванным демократическим свободам.

Крен правящих кругов вправо отчетливо обнаружился уже вскоре после подавления революции, и этот фактор сыграл едва ли не важнейшую роль в свертывании программы преобразований. Уже выступая 16 ноября 1907 г. перед III Думой, Столыпин заметно ограничил круг планировавшихся реформ. Прежде всего, в ходе их реализации оказался практически свернут весь пакет законопроектов, связанных с политическими и гражданскими свободами. Думой были приняты лишь некоторые частные поправки к указу о веротерпимости. Фактически не был реализован и комплекс административно-судебных реформ. Наиболее резкие возражения правых дворянских кругов вызвали проекты реорганизации местного управления, суда и земских учреждений. В результате жестких столкновений П.А.Столыпина с Думой и Государственным Советом были приняты лишь законы о введении земств в шести западных губерниях и о восстановлении института мировых судей. Но это, как скоро стало ясно, оказалось для премьера "пирровой победой".

¹ См.: *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 158.

Наиболее продвинутой оказалась лишь аграрно-крестьянская реформа. П.А.Столыпину удалось добиться принятия законов о выходе крестьян-собственников из общины и их землеустройстве, на что потребовалось почти пять лет. За все время действия реформы из общины вышло около четверти всех хозяев, на наделной и купленной у Крестьянского банка землях было образовано около 1,6 млн обособленных крестьянских хозяйств — до 300 тыс. хуторов и 1,3 млн отрубов, что составляло 10-11% всей площади наделных земель. За Урал на свободные земли переселились свыше 3 млн человек. Но успех реформы был относителен. Более того, в плане политическом она фактически провалилась. Во-первых, П.А.Столыпину не удалось создать массового слоя зажиточных крестьян-собственников и существенно подорвать позиции общины. Во-вторых, реформа не сняла напряженность в деревне. Общинники повели борьбу против вышедших из общины, стремясь вернуть их обратно. Не оправдались и расчеты П.А.Столыпина на то, что в процессе землеустройства удастся отвлечь крестьян от помещичьих земель. Идея всеобщего земельного передела не покидала крестьянства, подогреваемая деятельностью левых партий. Оправдались самые мрачные прогнозы, высказанные премьером еще в момент приступа к аграрным преобразованиям: в случае их неуспеха правительство, считал он, будет окончательно дискредитировано, а престиж революционеров неизмеримо вырастет¹.

В результате нараставшей оппозиции своему курсу Столыпин все чаще шел на компромиссы, а затем и вообще отказался от ряда ключевых реформ. Политической воли его было явно недостаточно, а поддержка императора, именем которого и вершились преобразования, постепенно слабела. Рейтинг премьера неуклонно падал, о чем, в частности, свидетельствует подборка перлюстрированных писем (практика эта процветала, несмотря на попытку узаконить тайну переписки), опубликованная в "Красном архиве"². В числе не принявших столыпинский курс были недавний соратник премьера по разработке аграрной реформы, товарищ министра внутренних дел В.И.Гурко, князь Кочубей, октябрист-профессор Проскураков, член Государственного Совета, недавний лидер Объединенного дворянства граф ААБобринский, умереннейший земский либерал Д.Н.Шипов. Последний, обвиняя власть в неискренности, в нарушении данных обещаний, писал своему корреспонденту: "От представительного строя по форме не отказываются, но, в сущности, с представительством не считаются и сводят его на нет... Политические свободы включены в наши основные законы, но где они? Все это ведет к тому, что пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все растет, и в населении воспитывают чувство злобы и ненависти... Столыпин не видит или,

¹ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 66.

² Красный архив. 1928. № 2.

скорее, не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже не может с него сойти, а реакция влечет его по этому пути все далее". И наблюдая общую деморализацию общества, он считал даже, что лишь новый общественный взрыв может обновить общество, и чем скорее он грянет, тем менее он будет страшен и опасен.

Итак, правительственная программа П.А.Столыпина в самых основных ее положениях фактически осталась невыполненной — не хватило ни времени (премьер рассчитывал на 20 лет покоя — внутреннего и внешнего), ни средств, ни политической мудрости правящих верхов, ни поддержки общества. Наиболее важная ее часть — аграрная реформа, составлявшая в значительной мере стержень предполагаемых преобразований, была в научно-экономическом и политическом отношении вполне реальна и в чем-то даже прогрессивна. Реализация ее — своевременная, разумная, без административного нажима — могла бы, видимо, снять проблему революции. Но, сделав ставку на социально-экономические преобразования, П.А.Столыпин пожертвовал политической частью своей программы, отложив ее реализацию на неопределенное будущее. В условиях послереволюционного российского общества, крайне политизированного, ждавшего немедленного законодательного закрепления вырванных у режима уступок, это оказалось ошибкой, вызвавшей нарастание новой волны недовольства. Недовольство это постепенно становилось всеобщим, и П.А.Столыпин фактически оказался в изоляции, держась до поры до времени лишь поддержкой императора. Но уже к 1911 г., задолго до того, как он был убит, он фактически стал политическим трупом.